

Доган Гёчман,
профессор философии, Измир (Турция)

ТЕОРИИ НАСИЛИЯ

В СОВРЕМЕННЫХ ДЕБАТАХ ОТСУТСТВУЕТ ЯСНОСТЬ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРИРОДЫ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА...

Дать удовлетворительное определение понятию “насилие”, единое для всех времен и обстоятельств почти невозможно. Насилие имеет множество форм и формы эти варьируются согласно контексту и обстоятельствам. Границы определения насилия расплывчаты, хотя и это определение имеет прямое отношение к таким знакомым феноменам как *власть* и *сила*. Власть может рассматриваться как потенциальная возможность насилия, в то время как сила ее утверждающая может отказаться от насильственных методов утверждения власти. В распоряжении власти имеется множество иных различных форм использования силы. И просто само наличие силы в руках власти, эта постоянно существующая форма угрозы, способна вынудить противника к подчинению. Таким образом, в этом контексте насилие следует определить как наивысшую и самую радикальную форму использования силы.

Разрушение - характерная черта, определяющая насилие. Причиной разрушения могут стать и естественные силы природы, но некоторые из форм природного разрушения, как известно, вызваны и активностью человека. На первый взгляд кажется что об объеме и характере насилия можно судить по видимым результатам его разрушительного действия. Однако процесс разрушения может продолжаться в течение неопределенно длительного времени. Так, например, такие взаимоотношения человека с человеком как “хозяин-раб” могут длиться десятилетиями и без, казалось бы, очевидных следов какого-либо физического разрушения. Отсутствие же взаимного признания в “хозяин-раб” отношениях работает на постоянное, постепенно развивающееся психологическое и эмоциональное разрушение человека. Насилие, таким образом, несет в себе не только физическое, но и психологическое или эмоциональное разрушение.

Направлено насилие может быть как на разрушение природных недр, так и на животный мир или на человека. В человеческих отношениях, в ежедневном взаимодействии между людьми, насилие может проявиться во любой из сфер социальной жизни

общества: в семейной жизни, в школе, в рабочем мире индустрии, как во взаимоотношениях между социальными классами внутри общества так и в масштабе международных отношений. Во всех этих спектрах человеческого общения насилие имеет обширное поле для мотивировок: от психологической - до культурной, политической или экономической форм конфликта.

История человечества, как хронология захватов, завоеваний, порабощений, краж, убийств и обманов - история силы и насилия. И войны, во всем разнообразии их конфликтов, от гражданских до мировых, являются лишь очевидной формой проявления насилия. Между длящимися веками кровавыми конфликтами мирные периоды в истории - лишь незначительные эпизоды. Так Маркс, рассматривая историю человека с позиции продюсеров благ, лишенных их средств производства (с позиции рабочего человека), видит историю как писаную кровавыми, огненными буквами. Такой взгляд на историю человечества не чужд и либеральной традиции. Кант, например, видит зло доминирующим началом со времен восхождения истории человека. Согласно Канту, зло древнее и религии, этой одной из всех древнейших человеческих древних фантазий.

И если апокалиптические предупреждения о том, что на этой земле мы отживаем последние дни нашей истории и разрушение мира - на пороге, если это и имеет себе какое-то оправдание, то это - в наш век, это - в наше время. Это - сейчас. Это сейчас человечество обладает биологическими, химическими и атомными средствами тотального разрушения и это - сейчас случайное или намеренное использование этих средств в конфликте примет размах планетарного размаха и станет причиной разрушения во всемирном масштабе.

Наиболее трагический исход такого конфликта может привести и к окончательному исчезновению биологической жизни на земле на многие будущие века. Сам факт наличия подобной артиллерии требует ответа на вопрос: а что заставляет человека производить оружие такого глобального размера разрушения? Чувствует ли он себя настолько уязвимым, что хочет сделать обстоятельства и условия его жизни на земле более благоприятными? Или социальные отношения внутри общества более гуманными? Это - один из самых серьезных вопросов, который любая серьезная теория насилия обязана адресовать сегодняшнему мировому обществу. И что это за сила, которая оказывается способной превратить

человека в такого жаждущего крови зверя? В западных теориях насилия демаркационная линия проходит между либеральными и консервативными теориями - с одной стороны и теориями марксизма и анархизма - с другой. В объяснении главной причины потенциального насилия в мире противоречиями интересов в человеческих отношениях, будь то внутри отдельного социального общества или в международных отношениях, эти две традиции не отличаются друг от друга. Они, однако, критически отличны в выборе *средств*, необходимых для разрешения этих противоречий.

Классические либеральные теории (за исключением Жан-Жака Руссо) обсуждают вопрос монополизации права на пользование насилием, не касаясь вопроса искоренения причин побуждающих к насилию. Такой подход к проблеме насилия предполагает, что в буржуазном обществе каждый индивидум, член определенного социального класса, несет в себе заряд потенциальных сил, толкающих его к насилию. Теории социальных контрактов во всем разнообразии их форм заняты разработкой пунктов условий, которые индивидумы (по Хоббсу) или граждане (по Локку и Канту) обязаны подписать в договоре, доверяя свою индивидуальную потенциальную такому важному институту как государство.

В исторических либеральных подходах к отношению между обществом и государством (Юм, Смит) такие проблемы как разделение труда, частная собственность и связанное с этим разделение общества на социальные классы понимаемы как реальный и постоянный источник провокации к насилию, но решение этих проблем либеральные классические теории отдают в монополию государства и его правительства. Вся потенциальная сила и насилие, сконцентрированные таким образом в руках государственного правления направлена в этом случае на общество. Иными словами, сохранены вековые "хозяин - раб" отношения, но теперь это между государственной властью и обществом. Как в классической, так и в современной либеральных теориях такие отношения приняты *a priori* и обсуждению не подлежат. Некоторые мыслители классического либерализма (Локк, Монтескье) тем не менее уже размышляли над вопросом контроля потенциальной силы власти, сконцентрированной в руках государства, и это привело их к мысли о необходимости разделение власти на законодательную, исполнительную и судопроизводственную сферы правления.

Консервативные и либеральные теоретики же утверждают государство по отношению к обществу как его абсолютного мастера. Марксизм во многом следует либеральной исторической традиции. Однако марксистский исторический анализ источников силы и насилия в социальных ли отношениях или в анализе разрушительных последствий насилия над природой, вызванных деятельностью человека, более обширен, более детален и потому вытекающие из такого анализа выводы диаметрально противоположны либеральным.

В противовес либеральным традициям, теория марксизма в первую очередь исходит из необходимости искоренения причин насилия в социальных отношениях между людьми. И именно анализу причин насилия власти посвящены работы К.Маркса и Ф.Энгельса, касающиеся капитализма и ранних социальных формаций. Самым уникальным анализом насилия в марксистской теории в этом аспекте является работа Ф.Энгельса "Анти-Дюринг". Следуя путем социального анализа истории, Энгельс оспаривает то, что мы сегодня называем природными или натурально-биологическими источниками силы и насилия в человеческих отношениях. (Биологические и натуральные причины насилия в человеческом обществе, как известно, лежат в основе теорий фашизма).

Исследуя возникновение и развитие человеческого общества, Энгельс находит причины употребления силы и насилия в становлении и развитии института частной собственности. Становление института частной собственности, по его мнению, должно было происходить при общем согласии социального общества, а не под давлением силы. Он утверждает, что все средства для пользования силой должны быть прежде всего развиты настолько, что ими можно было бы пользоваться разумно. Любая иная теория, утверждающая силу как истину природы в становлении института частной собственности,

вынуждена искать себе оправдание в биологическом предначертании в природе человека, которая является как бы естественно толкающей его на злоупотребление силой. Все аналогичные этим теории принимают *позитивизм*, утверждающий природную склонность человека к насилию в силу его природной природы, естественной для человека как и все остальное в природе его отношений. С этой позиции и психологические объяснения природы насилия оправдываются тем же натурализмом. Но тут и диктум Канта, размышляющего об образовании как о пути человека к "очеловечиванию" его неистовой природы, также служит оправданию подобных теорий. И тут проповедники подобных теорий имеют все основания задать вопрос: почему тогда после столь многовекового развития и углубления образования природа человека стала столь неистово агрессивной?

Вопреки пассивному "непротивлению", отрицающему всякую форму пользования силой, обе теории, как либерализм, так как и марксизм в основе своей оправдывают необходимость обращения к силе. Различие между ними, однако, кардинально и в нормативной аргументации, и в формулировке конечных целей. Либерализм, хотя и понимает, что противоречие интересов является основной причиной пользования силой и насилием, но эта теория отказывает тем, кого мы называем "социальное общество" в пользовании его силовыми средствами. И, если, несмотря ни на что социальные отношения в обществе принимают форму бунта (забастовки, оккупирование заводов, государственных учреждений), то государственная власть, стоящая на страже защиты частной собственности, оставляет за собой право пользоваться властью данной силой.

В этом теории либерализма и консерватизма полностью совпадают, ибо обе теории опираются на культ частной собственности, которая должна быть охраняема любыми доступными человеку средствами. Марксизм лежит в основе построения общества коммунального владения материальными ценностями, именуемого коммунизмом, общества, свободного от противоречий интересов, порождаемых культом частной собственности. Анархизм, в противоречии с марксизмом, видит человеческое общество как общество мелкого частного бизнеса и верит в то, что становление такого частно-собственнического рынка позволит с одной стороны избежать противоречий интересов в обществе, а с другой - избежать и переходного к коммунизму периода, который марксизм называет социализмом. Использование силы для построения анархического общества теория анархизма считает закономерным.

Марксизм не отрицает необходимости использования силы для получения мандата власти, без которого заложить фундамент будущего коммунистического общества невозможно. Тем более, что в основе коммунистического общества лежит не коммерческое, а *этическое* начало. (Концепция анархиста, как известно, это - концепция коммерческого общества.) "Как это ни это тяжело сознавать как много крови прольется до того как коммунистическое общество установится и сможет само себя защитить, - говорит Ленин, - но это все равно это будет меньше чем океаны крови, что постоянно и сознательно проливаются империализмом". Таков краткий вывод марксистской теории в подходе к решению вопроса силы. Анархизм согласен с необходимостью пользования силой для захвата власти, но с этого момента пути марксизма и анархизма полностью расходятся, ибо анархизм отрицает необходимость создания переходного к коммунизму социалистического государства.

Современные дебаты помогают созданию более точной терминологии и структурной классификации позиций. Но сегодня в них недостает глубины того разумного анализа, которым были так богаты классические философские дебаты, в которых присутствовал анализ как внутри персональных и региональных, так и анализ объемного обозрения структурных отношений. В современных дебатах, вдохновителем которых возможно является Фуко, отсутствует, в первую очередь, ясность в определении природы капиталистического общества. И потому современные дебаты концентрируются на сугубо внутри персональных и региональных отношениях. ▲